

Иван Мордвинкин

НАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО
ДЛЯ САМЫХ

ОТЧАЯННЫХ

Иван Александрович Мордвинкин

Надежное средство

для самых отчаянных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68620057

SelfPub; 2023

Аннотация

Трогательная история о чуде, которое доступно всякому, пусть даже и не вооруженному крепкой верой. Достаточно только шага, полшажочка в начале пути, и мир преображается внезапно, щедро и заботливо. Лишь бы не ступнуть к темноте, в которой шаг этот может стать последним. Потому, важно выбрать верное средство.

Иван Мордвинкин

Надежное средство для самых отчаянных

Митрофаниха – городская сумасшедшая, бестолково увешанная бесформенным тряпьем непонятого назначения и волочащая за собою скрипучую чемоданную тележку, набитую помойным скарбом.

Когда-то, еще в конце мая, три утра подряд эта старуха поджидала Леру на пути в школу. И каждый раз, резко сворачивая у моста в высоченные заросли сорняков, она обрачивалась и встречалась с Лерой взглядом, полным немого вопроса. Сумасшедшая, одним словом.

Но не зря говорят, что случайности не случайны. После школы Лера нашла здесь подходящее местечко для последнего шага. Если пробраться вдоль ручья по тропе Митрофанихи сквозь заросли борщевика и чертополоха и войти под покров старой раскидистой вербы, то можно попасть в темную густую чашу. Мрачную, сырую и тревожную, непродираемую из-за старых когтистых и цепких веток. А главное – здесь никогда не бывало людей. Что может быть лучше, чем место без людей?

Отсюда открывался вид на заросший розовыми мальва-

ми песчаный островок, зеленовато-желтым холмом гроздящийся посреди разлившегося ручья. Над островом ветви не свисали, ибо далеко от берега, и потому туда проникало солнце. Этот солнечный холм напоминал Лере жизнь обыкновенных людей – теплую и светлую. Жаль, что глубокий ил не позволял пробраться туда. Впрочем, Лерино место чувствовалось здесь, в этой тяжелой темноте, а не со счастливыми и везучими. Все как в жизни.

С тех пор Лера хоронилась и отсиживалась в личной берлоге. Давно она уповала на бегство и верила, что непременно оно окрылит ее и дарует упокоение. Но исчезнуть в никуда не вышло – дикое потайное убежище, как щель за шкафом, оказалось пригодным лишь для короткой и незаметной передышки, просто, чтобы перевести дух. Но сгинуть в этом болотце насовсем – глупая детская мечта.

И Лера задумалась о том, что, может быть, лучше уйти навсегда, взлететь выше неба и раствориться в пустоте. Оставалось только придумать как.

С месяц назад, когда еще не похрустывали под ногами осенние листья, Лера вернулась сюда уже подготовленная: она раздобыла средство. Но тогда ей помешал проливной дождь и гроза, мокрый слизкий мох под ногами, дурно пахнущий ил и глубокие черные тени деревьев, казавшиеся жутковатыми. Пришлось уйти. А потом целую половину вечера

мама ее обнимала, и они вспоминали прошлое, вспоминали Леркино детство. Какая она была смешная, и сколько веселых и забавных случаев приключалось в их дружной семье в те давние времена, когда семья еще была целой.

Но в разгар вечера маме позвонили, и солнце зашло.

Лера прождала до ночи, украдкой подбираясь к занавескам и дверным проемам, из-за которых с надеждой следила за мамой. Она хотела выкрикнуть или хотя бы прошептать: «Подожди! Поговори со мной еще! Я так устала от одиночества!» Но, обжигаясь взглядом о мамины ледяные глаза и лицо, будто зачekanенное в стальную маску, робела и так же незаметно отступала.

Вечер мама посвятила работе за компьютером, перемещая цифры из одних колонок в другие, и высеивая из строк в таблицах доходные статьи, позволяющие выжать из общей схемы еще немного чистой прибыли. В конце концов, в бизнесе важен не доход, а его процент. И мама выгрызала, выбивала и выдавливала, дополнительно работая после работы. И жалела, что людям приходится спать каждую ночь.

Еще целый месяц Лера надеялась и медлила, но чудеса не повторяются, на то они и чудеса. Не повторяются никогда.

Все эти тридцать дней Лера носила средство с собой, ни на минуту с ним не расставаясь. Оно немного облегчало душу и придавало решимости ждать, потому что наделяло возможностью остановиться, когда ожидание превысит болевой

порог. Средство – единственный настоящий союзник.

Что будет, если использовать его? Что там, за чертой жизни? И все ли здесь безнадежно?

В этом мире можно жить, что-то есть во всем этом круговороте событий и впечатлений. Например, есть деревья и цветы, есть улыбки тех, кто умеет не злиться на Леру. Есть теплое солнце и утренний золотой свет, который всегда ложится поверх тумана. Лере очень нравились насыщенные цвета, но особенно она любила сложные оттенки в сочетании с простыми. Странные чувства они порождали. Не то восторга, не то замиранья души, готовой бесконечно наслаждаться зримыми образами, но знающей, что бесконечности не существует и все всегда изменяется и исчезает.

Но не будешь же цепляться за цветы и деревья, и переносить ради них все остальное. Не может человек жить на Земле ради прекрасных мелочей. Жить совершенно один в огромном мире, существующем по своим, никому не ведомым законам. И Лера тоже не могла.

Вот если бы она знала, если бы в уме или в сердце ощущала хоть кого-нибудь, кто не ненавидит ее или не испытывает к ней ледяного равнодушия, что почти одно и то же, она бы всю свою жизнь, все клеточки своего организма отдала такому человеку. Но никому она не была нужна, и никто ее не любил. А жить в мире людей без людей очень больно.

Она стащила с плеч школьный рюкзачок и присела на трухлявое бревно, ввалившееся промеж вербы и тернового

куста, укрытого цепким диким хмелем. В этой печальной нише было темно, как в гробнице и пахло сырой землей и незрелым хмелем. Отличное место для взлета в пустоту. И средство уже при себе. Значит, пришло время уходить. Лера даже успокоилась и приняла происходящее как должное и обыкновенное – никому не нужная девочка в могиле, готовится к переходу туда, куда уходит все ненужное. В никуда.

Она расстегнула портфель, сунула в него руку, нащупала средство и замерла на мгновенье. Ну... Вот и... Все!

– Отсюда никак не попасть на остров! – вдруг послышалось у Леры за спиной. В зарослях хмеля за терновым кустом на камне расположилась Митрофаниха и перебирала свое нехитрое имущество.

Лера вскочила, скорей от неожиданности, чем от страха, и подхватила рюкзак, чтобы сбежать, но Митрофаниха негромко вскрикнула:

– Подожди! – она взглянула разумно и печально и тихо добавила: – Я так устала от одиночества!

Лера не знала как и поступить. Однако, уйти прямо сейчас она не решилась, и пришлось подчиниться: это не ее логово, Митрофаниха первая его открыла. Значит она здесь хозяйка и ей выбирать.

Старуха, если отбросить гадливость и чувство превосходства чистоплотного домашнего человека перед чумазым и

бездомным, оказалась теплоглазой и добрословной. Что-то милое исходило от ее голоса, манеры держаться и естественной ласковости взгляда. Разговоры она завязывала легко, без вступлений, а потому сходу пустилась изливать пред Лерой свою душу.

Выяснилось, что уже больше десяти лет Митрофаниха болеет головой. А может и не болеет, или не головой вовсе. Но мучал ее один грех:

– Была у меня дочь, вот такая же как ты, – рассказывала она задумчиво, перетирая между пальцев зеленую шишку хмеля. – Я была с нею жестока, как хозяйка с вещью. А ведь это была самая милая и светлая девочка на Земле. Но, когда ей исполнилось тринадцать, она не выдержала моего жестокосердия и покончила с собой. Ушла туда, где темнота бесконечна и горе, с которым туда приходят, прирастает к душе навеки.

Смерть дочери перевернула сознание этой доброй женщины, которая во всем винила себя. Митрофаниха ушла в монастырь, надеясь обрести там успокоение и посвятить остаток жизни молитве о дочери. Но угрызения не позволили ее боли утихнуть ни на минутку. В конце концов она бросила монастырь, которого была, с ее слов, вовсе не достойна, и вернулась в мир, где раздала нищим все, что имела. Сама же пустилась в бездомное странное житие и отреклась от всего, что хоть как-то напоминало ей о прошлой жизни и всех ее

устремлениях, ради которых не успевала Митрофаниха даже улыбнуться своей бедняжке-дочери.

А потом Митрофаниха почему-то отправилась искать свою покойную дочь среди живых.

В этом городке несчастная старушка прижилась в безлюдном местечке: на слабоизолированной теплотрассе, торчащей из-под земли, из всякого хлама и гнилья построила она хижину размером не больше кладбищенского склепа, все стены сплошную увешала иконами и фотографиями дочери и теперь жила там.

– Только это место иногда дает мне успокоение, – горько завершила она рассказ. – Там хорошо: я могу кричать и рыдать всю ночь, и никто меня не услышит. А к утру, если не сдаваться, бывает и тишина на сердце. Хоть и на малое время.

Эта горькая и будто бы с детства знакомая история совершенно обезоружила Леру. Оказывается, умалишенная, бездомная старуха носит в своем сердце горе такой величины, что не замечает на его фоне своего бедственного положения, вменяя его ни во что.

– Я развешиваю на досках объявления бумажечки, – добавила Митрофаниха и вынула из чемодана засаленный мятый листок, на котором от руки было написано простым карандашом: «Любите своих детей, пока они с вами». – Это не подает мне облегчения, но я хочу спасти хотя бы одного ребенка. Может получится, не знаю.

Не имея нужды в переходе от одной темы к другой, Митрофаниха взялась расспрашивать Леру о ее жизни. Лера и сама не поняла как, но с легкостью поведала новой знакомой о всех своих бедах. Точнее, об одной единственной – совершенном и безвыходном одиночестве.

– Я знаю одно надежное средство для самых отчаянных, – почти обрадовалась Митрофаниха и закопошилась в своем скрипучем колесном чемоданчике. – Мне в монастыре посоветовали.

Она вынула плотную картонную коробочку, вытряхнула из нее небольшой пакетик и протянула Лере:

– Это иконка Божьей Матери, – объяснила она. – Называется «Умягчение злых сердец». Молись перед нею, и мама вспомнит о тебе. Это просто, как Божий день!

На иконе была изображена Божья Матерь, к груди которой приставлены семь длинных ровных кинжалов. Лера не понимала, что может означать такое изображение. Но лицо у Божьей Матери светилось добротой и умилением. Она явно не боялась направленного на нее оружия.

С тех пор каждый вечер Лера молилась перед этой иконкой, переписав молитовку с тыльной стороны открытки. Лера не задумывалась о Церкви или молитве, о Божьей Матери или иконах. Она даже не пыталась – мир так странен и непонятен, что девочка уже отчаялась иметь собственное твердое

мнение. Очевидно только одно – Митрофаниха была ее союзником, в противовес другому союзнику, о котором лучше пока позабыть. Ведь теперь есть надежда, а значит, стоит попробовать.

И Лера усердно молилась. Вначале она даже удивилась: очень скоро мама действительно обратила на нее внимание, стала чаще интересоваться делами дочери. Но не смягчалась, не приближалась, а просто больше обыкновенного придиралась к пустякам.

Но даже от такого внимания Лера вздохнула с чуточкой облегчения – по крайней мере она чувствовала себя живой. К тому же теперь Лера что-то делала в этом мире сама, а не только выполняла приказы. У нее иногда даже кружилась голова от того, что она такая самостоятельная и молится втайне от мамы.

Однако к началу зимы Лера устала, а там и совсем истощилась, потому что молитва работала только наполовину: мама чаще устраивала головомойные выяснения отношений, задавала личные вопросы, требуя быстрых и искренних ответов. Лера отвечала, что ей недостает любви, и мама злилась. Но, если Лера не отвечала, то мама злилась из-за ее молчания. Этот натиск изматывал совершенно и лишал ее сердце сил и всяких надежд.

Лера отправилась на поиски своей союзницы и облазила

все тепломагистралю городка, какие только смогла найти, но Митрофанихи так и не повстречала.

К середине декабря силы ее духа и вовсе исчерпались, бедолага забросила молитву. Приближался Новый год, который мама давно не отмечала. Лере же от противоестественной для праздничного вечера тишины хотелось реветь в голос. И она не стала ждать, а решилась уйти до Новогодней пытки.

Солнечным морозным утром она явилась в свою берлогу, прихватив и проклятое средство.

У ручья все уже переменялось – и хмель, и терновник, и могучая верба – все укрылось снегом, и голые ветви деревьев больше не препятствовали солнцу. Остров возвышался гладким холмом, как огромный оплывший и ометенный ветрами дворец изо льда. Холодная снежная пустыня поглотила все, к чему прикоснулась зима. Она поглотит и Леру, которую укроет до весны. А летом лесные травы разберут ее частицы для новой жизни, для нужной кому-то новой жизни.

– Пожалуйста! – вырвалось ее горе отчаянным тихим выдохом. – Кто-нибудь... Спасите меня...

Она взглянула на остров, как на последнего свидетеля ее исчезающего бытия, но из-за подступивших слез остров больше не казался сказочным ледовым дворцом, а скорей миром, искаженным и искривленным холодной высокомерной улыбкой.

Хотя, нет! Лера вытерла слезы и всмотрелась присталь-

ней: на той стороне острова, хоть и плохо то можно было разобрать, кто-то жил в занесенной снегом хижинке, ютящейся на куске теплотрассы. Кто же еще это мог быть, как не блаженная страдальица и единственная Лерина союзница?

С радостью последней надежды и громким сердцем Лера пробралась сквозь снежные завалы к счастливому острову, обошла его по хрупкому льду и поднялась по тропке к хижинке, походившей скорей на коробок из гнилых досок, щели между которыми забиты старыми тряпками.

Митрофаниха очень обрадовалась Лере, гостеприимно счистила снег с грубой скамейки у входа и выстелила ее сухим тряпьем. Лера присела и сбивчиво, беззвучно рыдая и вздрагивая, поведала обо всем своему союзнику, с которым давно уж не раз беседовала мысленно. Митрофаниха внимательно выслушала и удивилась:

– Никогда не бывает, чтобы Божья Матушка оставила слезы ребенка горькими, – старушка пораженно вытаращила глаза и добавила отдельно: – Ни-ког-да!

Она подробно расспрашивала Леру о ее жизни, о ее молитве и ее чувствах. Наконец, хорошенько подумав и покрестившись с молитвой, она посоветовала:

– Знай: из твоей души вся радость вытекает. Как бы дыра у тебя, рана. Чтобы тебя любить, нужно дать тебе очень много нежности, гораздо больше, чем есть в этом мире. И тебе станет немного легче, совсем немного. Но жить в этом мире ты и вовсе не сможешь, потому что он твердый. Тебе

самой нужно стараться выкарабкиваться немного. Поэтому, когда молишься, обязательно прости маму и скажи Божьей Матушке, что мама у тебя очень хорошая, и что ты сама виновата, что не хочешь терпеть простые вещи.

– Какие простые вещи? – удивилась Лера.

– Обыкновенные, простые, – улыбнулась Митрофаниха. – Ты же не больше имеешь от своей мамы горя, чем другие дети? Но почему же тогда тебе больней, чем другим? Потому что тебе не хватает радости, которая чинит души, как лейкоциты в крови чинят тело. Вытекает вся радость. Вот и помоги душе: начни терпеть без радости, радость и придет, и накопится. Шаг за шажочком она рану и заживит. Понимаешь теперь?

Лера кивнула, хотя ничего не поняла. Радость... Лейкоциты... Ну что ж, не поняла – и ладно. Главное, теперь она нашла Митрофаниху, и теперь она снова не одна – у нее есть союзник. А может и друг. Ей даже захотелось крепко-крепенько обнять эту добрую бабулечку, но она только благодарно улыбнулась.

Теперь Лера молилась по-новому, каждый раз защищая маму в глазах Божьей Матери, и чувствовала иногда, что готова летать от радости, что у нее такая хорошая мама. Милая-милая мамочка! И что вовсе она не черствая и не чужая, что просто когда-то она сильно резанула Лерино сердце своей железной маской, которую ей приходится надевать из-за

работы. Ведь ей там тоже больно. И теперь, хотя мамина отчужденность и уязвляет Леру, болит именно та первая рана, которая не заживает из-за Лериной обиды и боязни. И Лера прощала, верила и молилась.

А к Рождеству явилось чудо – мама предложила отправиться на всенощную в церковь. Вроде бы, увидела она на доске объявлений чью-то корявую бумажку, призывающую любить детей, пока они рядом. Тронул ее этот призыв неизвестного, такой по-своему нелепый и по-своему милый, и она решила провести в храме эту таинственную и торжественную ночь с Богом и любимой дочерью. Давно собиралась.

Весь городок светился ночными огнями, машины сновали туда-сюда как днем, народ не спал. Сколько же верующих людей на Земле! И все они этой ночью устремились в храмы. Видеть бы их сердца-огоньки, было бы, наверное, светло и без фонарей!

Постоянные прихожане и случайные люди, которые являются в церковь по праздникам, заполонили церковный двор и притвор. А певчие, хоть и тяжело им дышалось при значительном и душном столпотворении, тем радостнее пели, раз уж столько народу и есть для кого петь.

Это был такой воодушевительный праздник, что к утру они обе будто бы преобразились.

По возвращении домой уставшие, сонные, но счастливые

и блаженные, они не ложились спать, а разговлялись все утро, хоть и не постились ни разу в жизни. Мама все обнимала Леру и они проболтали до рассвета, многое выясняя друг о дружке, много прося друг у дружки прощенья и много-много прощая.

А в начале дня, окрыленная, тихая и не желающая засыпать Лера даже махнула в кои-то веки прогуляться в городском парке, чтобы выловить в солнечном морозе редкие зимние сочетания оттенков. Туманная и теплая Рождественская ночь схватилась под утро крепким морозцем, и пар обратился в поблескивающий на солнце крупный иней. Он облепил ветви деревьев, провода, парковые скамейки и спящие ночные фонари. Целая сказочная вселенная крошечных алмазных кристалликов, очистившийся добела мир, наивный и чистый, как Лерина радостная душа.

В середине аллеи Лера остановилась, чтобы полюбоваться серебристой ивой, такой синей в тених, что казалось, будто ее нити-веточки сотканы из замерзших струек небесного дождя – голубого-голубого. На свету же даже сквозь плотный иней проступала живая восковая желтизна ивовых прутиков. И как уместить в сердце такое сочетание оттенков? Можно ли? Остается только восхищаться и замирать душой, впитывая чудо без всяких мыслей и слов.

Вдруг чуть дунул ветерок, и иней осыпался искрящейся на солнце тонкой пылью, и почти слышался его сереб-

ристый перезвон, ласковый и ажурный, в котором будто кто-то пел: «Ле-ра! Ле-ра!»

Лера обернулась. Нет, это не слышалось: от парковых ворот к ней бежала мама.

– Ле-ра! – воскликнула она уже приблизившись. Лицо ее было встревоженное, даже, скорей, перекошенное от ужаса. – Лерочка! Доченька моя...

Она подбежала, обняла Леру и неудержимо разрыдалась, вся трясаясь и не находя себе успокоения. Потом, не в силах выговорить ни слова, она вынула из кармана Лерино средство, которое, вероятно, нашла в портфеле, и, потрясла им перед Лериным лицом. Хотела что-то высказать, но, захлебываясь рыданьем, и от того не имея сил вымолвить хоть слово, она воротила средство в карман, и задыхаясь и вздрагивая, вернулась к объятиям и поцелуям.

Когда она успокоилась, хоть и не скоро то произошло, они медленно, взявшись под руки, пошли домой. Мама теперь знала все о своей дочери. И о кое-что себе.

На выходе из парка Лера обратила внимание на женщину, которая издалека следила за необычной их семейной сценой. Когда мама с дочкой приблизились к этой женщине, одетой в новое бежевое пальто и белый, как иней, пуховый платок, та отвернулась и быстрым шагом пошла прочь. За собой она тащила скрипучую чемоданную тележку.

С тех пор мама никогда не расставалась с Лерой, никогда не выпускала из сердца свою доченьку. И дай Бог, чтобы все мамы так любили своих детей, как она.

Митрофаниха же пропала из городка навсегда, и сейчас уж никто не вспомнит ее лица. Говорили поначалу, что она вернулась в монастырь, но прожила там недолго, несколько дней от силы. Причастилась и расхворалась, а к вечеру причастного дня ослабела настолько, что не могла вымолвить ни слова, хотя все пыталась что-то сказать. Сестра, которая присматривала за ней, уж как могла вслушивалась, да без толку. Наконец, болезная старушка собралась с силами и прошептала довольно внятно:

– Любите своих детей, пока они с вами... – на том силы ее иссякли, и она испустила дух.

И как же обелилось ее лицо, и уж в какой благостной улыбке навеки застыли ее глаза, из которых уже по смерти истекло по слезинке, что батюшка-настоятель решил, что, наверное, это была какая-нибудь блаженная Божья подвижница.

А вообще-то, кто знает, может это просто слухи, мало ли напридумывают? И бродит Митрофаниха по белу свету до сих пор, да расклеивает свои рукописные бумажки. Я видел на остановке у моего дома по крайней мере одну такую. И как вспомню теперь о ней, так и бросаю все, да иду обнимать и ласкать своих детишек. Каждого, от мала до велика. Пока они все со мной, и я с ними.

Молитва перед иконой «Умягчение злых сердец»:

Всех скорбящих радости и обидимых заступнице, и алчущих питательнице, странствующих утешение, обуреваемых пристанище, больных посещение, немощных покрове и заступнице, жезле старости, Мати Бога Вышняго Ты еси, Пречистая: потщися, молимся, спастися рабом Твоим.